

НИКОЛАЙ ОЦУПЬ
ИЗЪ ДНЕВНИКА

I

Вопросъ, поставленный Антономъ Крайнимъ, очень интересенъ для «Чисель». Какъ членъ редакціи этого сборника, я радъ, что на его страницахъ печатается статья, рѣзко критикующая нашу программу. Въ спорѣ многое можно выяснитъ.

Но уже не какъ членъ редакціи, а какъ литераторъ, отвѣчающій А. Крайнему, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тонѣ его статьи.

Кажется, нѣтъ за послѣдніе тридцать лѣтъ писателя, который умѣлъ бы лучше Крайняго преувеличивать или приуменьшать значеніе любыхъ фразъ, почему либо этому критику неугодныхъ, причемъ простодушіе, съ какимъ это дѣлается, способно даже убѣдить, что Крайній и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ и не понимаетъ тѣхъ, съ кѣмъ спорить.

Впрочемъ таковъ ужъ методъ этого писателя, за который онъ самъ отвѣчаетъ. Мысли Крайняго, несмотря на страсть его къ демагогіи, всегда интересны и остры.

На одномъ публичномъ собраніи мнѣ уже привелось отвѣтить З. Н. Гипсіусъ на главный изъ вопросовъ А. Крайняго. «Числа», по замыслу ихъ основателей, не противъ политики, а противъ ея тираніи.

Сознаемъ ли мы, что политика — важное дѣло, особенно сейчасъ, особенно для русскихъ?

Дѣ, сознаемъ. Но не хотимъ ея неограниченной власти надъ всѣми другими интересами человѣка.

Политика — всего лишь средство устроить получше совмѣстное существованіе такой то группы людей, такого то народа. Не меньше, конечно, но и не больше того.

Если бы Крайняго въ самомъ дѣлѣ заботило только соотношеніе личнаго и общаго, будто бы подмѣненное въ «Числахъ» голымъ индивидуализмомъ, — мнѣ оставалось бы отослать критика къ статьямъ первой книги, гдѣ задѣваются вопросы, не только къ одному человѣку относящіеся. Но Крайній не этимъ озабоченъ.

За послѣдніе годы онъ сталъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей тѣхъ людей, для которыхъ нужно не простое равенство общественно-политическихъ вопросовъ съ другими человѣческими, но полное и подавляющее превосходство первыхъ. Отсюда презрительное, свысока, отношеніе къ «стишкамъ», «картинкамъ», вообще къ искусству. Отсюда въ средѣ единомышленниковъ Крайняго, не столь блестяще одаренныхъ, какъ онъ самъ, а потому и болѣе примитивныхъ, — демагогія, уже ничѣмъ не сдержанная.

«Вотъ какъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ «Числамъ», успокоились, о большевикахъ и Россіи больше не думаете! Эстетствуете!».

Право же не въ «Числахъ» дѣло и не за нихъ хочется на такія слова отвѣчать. Неужели не пора понять, что все это — большевизмъ наизнанку.

Такъ и философію Бергсона и романы Пруста придется обсуждать не иначе, какъ въ смыслѣ пригодности ихъ для борьбы съ коммунизмомъ...

Нельзя опредѣлять себя отъ противнаго — большевиками.

Кстати, такъ называемые профессионалы-политики, къ которымъ Крайній тоже относится чуть-чуть свысока, ничуть не озабочены подавленіемъ жизни политикой. Имъ понятно, что есть достаточно литераторовъ, художниковъ, да и просто русскихъ эмигрантовъ, которые хотя бы антибольшевиками не по указкѣ политическихъ дѣятелей, а по своему разумѣнію, занимаясь своимъ прямымъ дѣломъ. Они не забываютъ, что эмиграція состоитъ не только изъ воиновъ антибольшевицкаго войска, но и одновременно изъ отдѣльныхъ человѣческихъ существъ, изъ которыхъ кто-нибудь будетъ отвезенъ завтра на *Père Lachaise*, какъ былъ бы отвезенъ на Волково или другое русское кладбище и что передъ этимъ меркнуть многіе вопросы общественно-политическіе.

Д. С. Мережковскій какъ то сказалъ: для русскихъ нѣтъ сейчасъ ничего важнѣе, чѣмъ большевизмъ. Вѣроятно это такъ. Но кто эти русскіе?

Хочется напомнить, что это собирательное число составлено изъ миллионныхъ отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая, каждый эмигрантъ, какъ и каждый человѣкъ, стоитъ въ потокѣ времени, мѣняется, любитъ, старѣетъ, приближается къ смерти.

Что противопоставила большевикамъ Европа? Лигу Націй? Торговые и прочіе договоры? Это лишь на поверхности. Внутри — безпошад-

но ясное изученіе себя и даже, быть можетъ, сознание, что близится гибель Европы, но гибнетъ она не отъ большевиковъ, а изъ за себя самой. И это самоизученіе, этотъ имъ вызванный порывъ къ жизни, проявляющійся даже въ спортъ и ужъ, конечно, въ упорномъ трудѣ, оказались сильнѣе большевизма...

Отношенія Японіи и Америки? Политика на западѣ, въ сущности, свелась къ вопросамъ, очень ясно отъ всего другого отмежеваннымъ.

Область общаго не выходитъ здѣсь изъ своихъ предѣловъ, не занимаетъ всего пространства, необходимаго для личной жизни человѣка, не притязаетъ, какъ у насъ, вмѣшиваться во все, что онъ дѣлаетъ.

Нѣтъ нужды защищать искусство. При всей своей слабости, оно все же всегда было для человѣка средствомъ едва ли не самаго полного ощущенія жизни, безъ того грубаго поврежденія ея тканей, съ которымъ связана всякая практическая дѣятельность. Но есть зато предѣлъ, за который искусство не можетъ перейти и за которымъ нужны не слова, а дѣло. «Слова поэта суть дѣла его» — прекрасная фраза, высокое утѣшеніе. Только не каждый писатель и не всегда бываетъ этой фразой утѣшенъ. Для нѣкоторыхъ слова остаются словами; дѣйствія, прямого участія въ жизни, участія, оплаченного реальнымъ рискомъ, подлинной, а не словесной жертвой, — хочется нѣкоторымъ людямъ искусства.

Объ этомъ подробнѣе я надѣюсь сказать въ концѣ статьи въ связи съ мыслями о Некрасовѣ.

II

Написавъ «кто эти русскіе» и думая только о самомъ естественномъ толкованіи этого слова, о людяхъ русской культуры, о россіянахъ или россійскихъ гражданахъ, какъ теперь принято выражаться, — я вспомнилъ, что есть и другой отгѣнокъ въ понятіи «русскій», тотъ, который отдѣляетъ коренное населеніе отъ инородцевъ.

Есть вѣдь еще и сейчасъ люди, не замѣчающіе, что Россію составляютъ, ей служатъ и ее выражаютъ не только коренные русскіе. Есть такіе, для которыхъ забота объ «истинно русскомъ» главное дѣло жизни.

Не такъ давно одинъ изъ такихъ охранителей написалъ даже въ отзывѣ о книгѣ поэта съ инородческой фамиліей: «хороши у него размѣры и рифмы, но знаемъ мы эти жидовскія штучки».

Что жъ, надо сознаться, для раздраженія такихъ людей есть сейчасъ основаній больше, чѣмъ когда либо.

Кажется, никѣмъ еще не было отмѣчено одно явленіе характернѣйшее для русской литературы XX вѣка. Какъ въ шестидесятыхъ годахъ въ нее стали потокомъ входить разночинцы, такъ за послѣдніе тридцать-сорокъ лѣтъ расширилось въ ней участіе и вліяніе инородцевъ. Быть можетъ, это отвѣтъ на какія-то либеральныя мѣры, на все, что было сдѣлано во время и, съ перерывами, послѣ «эпохи великихъ реформъ», которая, несмотря на всю свою блѣдность, все же многое и многихъ раскрѣпостила. И ужъ навѣрно это признакъ обаянія русской культуры, влекущей къ себѣ всѣхъ, кто овладѣваетъ ея языкомъ...

Любопытно бы подсчитать, какую долю среди современныхъ русскихъ писателей, и самыхъ замѣтныхъ, составляютъ обрусѣвшіе нѣмцы, евреи, поляки. Не хочется называть имена — они у всѣхъ на виду.

Нѣкоторымъ кажется, что наплывъ инородцевъ понижаетъ качество литературной русской рѣчи. Врядъ ли это вѣрно.

Не говоря уже о томъ, что среди инородцевъ есть первоклассные знатоки языка, способные многому научить даже кое кого изъ коренныхъ русскихъ людей, не говоря уже объ этомъ, — врядъ ли можно предположить такую хрупкость русской языковой культуры, такую ея подверженность проходящимъ вліяніямъ.

Гораздо серьезнѣе другое полуобвиненіе противъ инородцевъ, которое предполагаетъ у нихъ болѣе слабое чувство Россіи, нежели у истинно-русскихъ людей. Если бы это было правдой, было бы естественно въ полемикѣ съ авторомъ-инородцемъ намекнуть на его сравнительное равнодушіе къ судьбамъ Россіи. Въ сущности, такой намекъ, такое предположеніе не столь ужъ возмутительно, иногда они могутъ даже оказаться справедливыми: къ тому есть немало причинъ.

Испытаніе патріотизмомъ вообще грубѣйшее изъ испытаній и фальшивыхъ патріотовъ всегда и всюду больше, чѣмъ людей съ глубокимъ чувствомъ своей страны.

Но въ отсутствіи этого чувства мало кого изъ обрусѣвшихъ инородцевъ можно когда-либо упрекнуть.

Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ.

Неофиты въ любой области, напримѣръ, въ той или иной религій, — живѣе многихъ людей, уже свыкшихся съ обстановкой, бытомъ, идея-

ми своей среды. Есть немало людей, по убѣжденію принявшихъ православіе или католицизмъ, и болѣе ревностныхъ ко всему новопріобрѣтенному, нежели рожденные въ православіи или католицизмѣ.

Съ русской культурой происходитъ то же самое. Человѣкъ, еще не утомленный ею, нерѣдко особенно къ ней жаденъ, особенно въ ней активенъ. И если онъ самъ еще не успѣлъ достаточно глубоко все слишкомъ новое ощутить, это бываетъ удѣломъ его преемниковъ — сыновей и особенно внуковъ и правнуковъ.

И для нихъ пріобрѣтенное столь сложнымъ путемъ, прививкой къ новому стволу, становится нерѣдко вдвойнѣ близкимъ и уже до конца дней незамѣнимымъ.

III

Что и говорить, самоубійство Маяковского нелегко было предсказать. Для нѣкоторыхъ критиковъ, и едва ли не самыхъ проникательныхъ, оно даже явилось поводомъ пересмотрѣть свое прежнее отношеніе къ поэту. По ихъ словамъ человѣкъ, который, несмотря на успѣхъ, деньги, положеніе, славу, наложилъ на себя руки, — не могъ быть только рослымъ парнемъ съ неглубокимъ, хотя и незауряднымъ дарованіемъ, не могъ быть такимъ, какимъ онъ раньше многимъ казался...

Но стоитъ ли дѣлать самоубійство патентомъ на благородство?

То, что открылось однимъ лишь послѣ сенсационнаго конца этой жизни, сравнительная сложность души Маяковского, давно уже чувствовалось другими. Блокъ угадывалъ даже что-то родственное въ этомъ своемъ современникѣ и врядъ ли будетъ ошибкою утверждать, что и Маяковский, какъ отчасти — Блокъ и всецѣло — Некрасовъ, — поэтъ «гражданскій».

Опасное это слово, хорошо чувствую, и то, что съ Гоголя до Блока составляло высокую цѣль — «получше послужить ему, русскому народу» (слова Блока) скомпрометировано дѣятельностью Маяковского. Но все таки и онъ по своему искалъ справедливости въ устроении человѣческаго общества.

Если отрицать у этого поэта хотя бы долю искренности, тогда, конечно, онъ только грубо элементарный человѣкъ, вовсе неспособный на

душевную борьбу, Демьянъ Бѣдный въ лучшемъ изданіи. Но врядъ ли это такъ.

Хотя трагической жизнь Маяковского никакъ нельзя назвать, несмотря даже на ея конецъ, есть все же въ ней много сложнаго, больше, быть можетъ, чѣмъ представлялось самому Маяковскому и ужъ навѣрно больше, чѣмъ онъ это показывалъ...

Врядъ ли Маяковскій притворялся, издѣваясь надъ самодовольно, удобно и въ достаткѣ живущими людьми. Но самъ для себя онъ именно этой жизни искалъ и отчасти цѣли своей достигъ. У поэта съ душой Некрасова или Блока такое противорѣчіе вызвало бы невыносимыя страданія. Мука совѣсти и была музой для нихъ обоихъ. Маяковскій какъ будто и не зналъ никакихъ сомнѣній, голосъ самоосужденія заглушенъ у него громкимъ самовосхваленіемъ, но иногда, даже въ коммунистической періодъ, обращаясь, напримѣръ, къ почившимъ на лаврахъ, къ «бывшимъ» революционерамъ, то есть къ себѣ самому, онъ находитъ слова не то, чтобы пронзительно-горькія (на это у него не хватало грусти), но показывающія, что и у этого человѣка не все вполне благополучно, что и у него на душѣ «кошки скребутъ».

О предреволюціонныхъ стихахъ Маяковского и говорить нечего. Въ нихъ многое можетъ и должно не нравиться, они элементарны и грубы, но ярость ихъ не нангранная, это не поддѣлка чувства, а только его усиленіе съ цѣлью, для самого автора очевидной, вѣчно-поэтической:

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой.

Средства Маяковского оказались слишкомъ антимузыкальными, въ сердца стихи его не проникаютъ, но воля что-то въ мірѣ потрясти, что-то преобразить отчетливо чувствуется въ ритмѣ его строчекъ.

Есть даже въ раннихъ его вещахъ, напримѣръ, въ стихотвореніи «Хорошее отношеніе къ лошадямъ» — преизбытокъ, казалось бы, неожиданной у Маяковского, чувствительности. Я бы не рѣшился назвать это нотой настоящей боли, но о какомъ то неблагополучіи, о какой то внутренней трещинѣ можно судить по дребезжащему звуку его своеобразной лирики.

Имя Достоевскаго — гдѣ-то въ узлѣ каждой болѣе или менѣ сложной жизни. Каково бы ни было разстояніе между тѣмъ, каковъ человѣкъ

на самомъ дѣлѣ и какимъ онъ хочетъ казаться, — Достоевскій даетъ какой-либо способъ разстояніе это измѣрить.

Странно быть можетъ, но слишкомъ вѣроятно, что и жизнь Маяковского не безъ «Достоевщины»...

Зачѣмъ причесываться: на время не стоитъ труда,
А вѣчно причесанымъ быть невозможно.

Врядъ ли эти строчки разсчитаны только на то, чтобы читателя посмѣшить. Есть въ нихъ своя глубина, далеко не безобидная.

Занятіе спортомъ, умѣніе ухаживать за собой, изворотливость при устройствѣ своихъ дѣлъ — полезныя и прекрасныя вещи, но нѣтъ ли, иногда, особенно у русскихъ людей, какого то чувства неловкости отъ всѣхъ этихъ заботъ о себѣ самомъ, о своемъ драгоценномъ здоровьѣ, о своихъ удобствахъ.

Я ужъ не говорю о тѣхъ, кто умѣетъ душу свою «положить за други своя». Такихъ — лишеныя и физическія бѣдствія не пугаютъ по особымъ причинамъ. И въ томъ, что они пренебрегаютъ удобствами, нѣтъ ничего удивительнаго. Я говорю о людяхъ обыкновенныхъ. У многихъ изъ нихъ внезапно или постепенно возникаетъ протестъ противъ всяческихъ условностей, противъ «силы вещей», противъ всего, что требуется выполнять для жизни уютной и удобной.

Зачѣмъ причесываться...

Богема, къ которой всегда принадлежалъ Маяковский, стремится расточить себя, растратить, прокутить накопленное. Человѣкъ богемы, хоть и умѣетъ стать (лучше многихъ) стяжателемъ и карьеристомъ, можетъ зато съ необычайной легкостью спустить въ одинъ прекрасный день все, что приобрѣлъ: авторитетъ, «заслуги» и многое другое.

Но какъ ни объяснять судьбу Маяковского, нельзя забыть, что онъ дѣлалъ всѣ усилія упростить и огрубить то, что на самомъ дѣлѣ не было ни слишкомъ простымъ, ни очень грубымъ.

Поэтъ стремится найти для жизни четвертое измѣреніе. Маяковскому часто и трехъ было много. Болѣе плоскаго міра, чѣмъ въ нѣкоторыхъ его стихахъ, кажется не было еще въ русской поэзіи.

Перечитывая «избранные стихи» Маяковского, вышедшіе въ из-

дательствѣ «Наканунѣ» въ 1923 году, стихи, почти исключительно политическіе, поражаешь ихъ однообразію, скудостью, отсутствію глубины.

Съ желѣзной грудью надо быть,
Чтобъ ласкамъ этимъ отвѣчать...

Такъ писалъ о своей музѣ Некрасовъ. Маяковский этой силой не обладалъ. Музой его была революція, но не желѣзной грудью встрѣтилъ онъ ея объятія. Никакого сопротивленія онъ революціи не оказалъ. Никакого поединка между ними не произошло.

Все, что говорила она на коммунистическихъ собраніяхъ и на столбцахъ «Извѣстій» или «Правды», все, безъ оговорокъ, онъ повторялъ въ своихъ стихахъ.

Онъ какъ будто вытвердилъ про себя урокъ, какъ теперь держаться, запретилъ себѣ всякія сомнѣнія и «уклоны» и такъ хорошо вошелъ въ роль, что заставилъ многихъ забыть о своемъ футуризмѣ, о подлинной своей (въ прошломъ) революціонности, о своей способности бороться, возмущаться, негодовать.

Зачѣмъ причесываться...

Но безъ борьбы, безъ личной драмы поэту нельзя существовать. Коммунистическій періодъ сталъ для Маяковского сниженіемъ и уничтоженіемъ его поэзіи. Она не развилась, не достигла своей лучшей силы, потому что человѣкъ изъ этихъ стиховъ исчезалъ безслѣдно, ничѣмъ не давая знать о близящейся катастрофѣ, никого не зовя на помощь, не вѣря въ нее (да и ни во что на свѣтѣ) и уже, конечно, готовясь «послать все къ черту» и уйти изъ жизни.

IV

Наступаетъ, при какомъ то самомъ послѣднемъ повышеніи требованій къ искусству, моментъ его капитуляціи, оно становится недостаточнымъ и ненужнымъ.

Если бы вообразить, напримѣръ, что комета, одаренная разумомъ и яснымъ сознаниемъ, приближается къ землѣ, чтобы безъ остатка ее уничтожить, и если допустить, что эта комета обращается къ людямъ съ требованіемъ показать ей что-либо такое, изъ за чего стоило бы нашъ,

человѣческой, міръ пощадить, — наивны, мнѣ кажется, были бы тѣ, кто пытался бы защититься именами Шекспира, Гете, Пушкина. Ужъ если удалось бы найти имена, способныя спасти міръ отъ казни и разрушенія, искать ихъ пришлось бы не въ области искусства.

Есть писатели, у которыхъ очень сильно развито сознание этой (въ послѣднемъ счетѣ) бесполезности своего прямого дѣла и которые втайнѣ, а иногда и явно, хотѣли быть святыми или героями.

Гоголь, мечтающій о государственной службѣ ради Россіи и сжигающій «Мертвыя Души», Достоевскій, о которомъ трудно въ этомъ смыслѣ что-либо говорить, такъ мало разстоянія между его писательствомъ и самопожертвованіемъ... есть въ Россіи «люди искусства», которыхъ что то почти неизмѣримо малое отдѣляетъ отъ акта героизма или святости. И можетъ быть уходить Толстого или сожженіе «Мертвыхъ Душъ» или какія-то незарегистрированныя, но безспорно бывшія минуты въ агоніи Блока стоятъ всей міровой литературы.

Но врядъ ли среди писателей такого склада былъ челоѣкъ болѣе противорѣчивый и мучительно откровенный, нежели Некрасовъ.

Недавно въ издательствѣ «Федерація» вышли вторымъ изданіемъ «Разказы о Некрасовѣ» Чуковского. Въ этой книгѣ собраны статьи, достаточно извѣстныя, о которыхъ не стоило бы, да и нельзя говорить, какъ о новинкѣ (послѣдняя по времени статья помѣчена 1923 годомъ). Но всѣ онѣ, за однимъ-двумя исключеніями, остаются увлекательно интересными и сейчасъ. Едва ли не лучшее въ писаніяхъ даровитѣйшаго Чуковского эти его работы о Некрасовѣ. (Не совсѣмъ удачны только изслѣдованія о стихосложеніи поэта, гдѣ Чуковский — старательный и слабый ученикъ Бѣлаго и формалистовъ).

Замѣчанія и выводы Чуковского иногда блестящи, особенно тамъ, гдѣ онъ «разоблачаетъ» преклоненіе поэта передъ деньгами. Но именно поэтому нельзя понять, почему, касаясь главнаго въ Некрасовской жизни и лирикѣ, его душевной двойственности, — Чуковский утрачиваетъ свою пронизательность и съ необычайной легкостью, «по марксистски», разрѣшаетъ вопросъ ссылкой на происхожденіе Некрасова: противорѣчія поэта будто бы слѣдствіе того, что онъ былъ помѣщикомъ и одновременно принадлежалъ къ средѣ разночинцевъ.

Объяснять социальными причинами Некрасовскій «случай» можно

было, или не продумавъ до конца этой темы или подчиняясь вліянію писателей-коммунистовъ.

Есть впрочемъ у Чуковского и болѣе сильные союзники, соприкоснушіеся съ критиками-марксистами по тѣмъ же причинамъ, по которымъ иногда крайніе правые въ политикѣ совпадаютъ съ крайними лѣвыми.

Это — блестящіе современники Некрасова, воинствующие идеалисты; для нихъ и творчество и жизнь поэта отдавали земными, низкими страстями. Для Фета и для какого нибудь Фриче, въ одинаковой степени, міръ Некрасова исчерпывается социальными интересами; одинъ говоритъ объ этомъ съ чрезмѣрнымъ пренебреженіемъ, другой — съ унижающимъ поэта восторгомъ.

Чуковскому труднѣе простить совпаденіе съ Фриче, нежели Фету. Современники Некрасова, почти всѣ, ошиблись въ немъ. Если даже Толстой, несмотря на свое отношеніе къ вопросамъ социальной справедливости, проглядѣлъ главную тему Некрасовской поэзіи, — стоитъ ли въ этомъ винить Фета. Онъ зналъ, что нельзя людей передѣлать простымъ перераспределеніемъ жизненныхъ благъ. Онъ зналъ, что на западѣ уже почти осуществленъ рай, о которомъ мечтаютъ единомышленники Некрасова, и что тамъ крестьянинъ, ставъ зажиточнымъ и свободнымъ, не сдѣлался оттого безгрѣшнымъ и безупречнымъ. Рай, въ которомъ главное — человѣкъ — остается темнымъ, жестокимъ и жаднымъ, не могъ быть раемъ. Начинать надо съ другого конца — съ души человѣческой.

Такъ приблизительно отвѣчали на пафосъ Некрасова едва ли не лучшіе изъ его современниковъ.

Къ тому же и самъ поэтъ, личной своей жизнью, не внушалъ имъ довѣрія. Жалобы о несчастныхъ въ устахъ зажиточнаго помѣщика и ловкаго дѣльца для многихъ звучали фальшиво.

И все таки:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Есть же удачники въ жизни, для которыхъ умѣніе «устраивать свои дѣла» оборачивается въ собственную муку. Ихъ сосѣди по удачѣ, только

ею озабоченные, безнадежно самодовольные и все съ высоты своих успѣховъ озирающіе, говорятъ каждымъ своимъ движеніемъ, выраженіемъ лица, тономъ: «и ты съ нами, голубчикъ». А голубчикъ, если у него душа Некрасова и его чувствительность, только и думаетъ о «погибающихъ» и къ своему брату-удачнику чувствуетъ ненависть, презрѣніе. Въ самодовольствѣ людей, хорошо въ жизни устроенныхъ, въ ихъ тупомъ равнодушіи и себялюбіи — источникъ ненависти къ нимъ, основная и глубочайшая причина всѣхъ революцій.

Сколько разъ должно было это чувство отравлять жизнь Некрасову, которому Чернышевскій казался почти святымъ. Сколько разъ, вѣроятно, хотѣлось ему бросить не только сосѣдей по англійскому клубу, но все общество людей, занимающихъ посты и получающихъ доходы, съ имѣній ли, съ выгодныхъ ли предпріятій съ тѣхъ же, наконецъ, служебныхъ или иныхъ постовъ.

...Уведи меня въ станъ погибающихъ...

Въ этомъ, почти исключительно въ этомъ стремленіи, жила душа Некрасова, но иначе, другимъ путемъ, шла его привычно удобная и достаточно удачливая жизнь. Факты этой жизни заслонили отъ Некрасовскихъ современниковъ то, чѣмъ онъ жилъ. Но потомкамъ Некрасова, изъ его стиховъ, ни изъ чего другого, ясно одно: н е в о з м о ж н о сомнѣваться въ искренности этого поэта. Строчки съ такимъ ритмомъ и такими словами живѣе, чѣмъ любые факты, и убѣдительнѣе, чѣмъ всѣ свѣдѣтельства современниковъ.

Пусть идеалы Некрасова и его единомышленниковъ сами по себѣ не вѣчны, пусть цѣли ихъ коротки. Не бѣда, что достиженіе этихъ цѣлей слишкомъ мало на землѣ измѣнить и не избавить отъ тоски по другимъ цѣлямъ, болѣе глубокимъ и труднымъ. Важна готовность жизнь свою положить за какія то цѣли, хотя бы и короткія.

Некрасовъ «видѣлъ невозможность, служить добру, не жертвуя собой». Ему не хватало какого-то ничтожнаго усилія, чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу.

Онъ зналъ, чего хочетъ, и, какъ во снѣ, не могъ шевельнуться.

Некрасовъ — Гамлетъ русской поэзіи, русской культуры. Въ этомъ, въ «болѣзни воли», а не въ принадлежности поэта къ двумъ классамъ, высокая сложность Некрасовскаго «случая»...

Нѣтъ ли въ литературѣ и вообще въ искусствѣ какой то силы одурманивающей, усыпающей? Не является ли у человѣка, написавшаго хорошіе стихи о справедливости, иллюзія, будто онъ исполнилъ актъ справедливости?

Есть соблазнъ еще дальше длить эти вопросы. Есть соблазнъ спросить себя, не сталъ ли бы Некрасовъ активнымъ революціонеромъ (о чемъ всю жизнь мечталъ), не раздѣлилъ бы онъ ссылку съ Чернышевскимъ и другими, если бы обладалъ... менѣе сильнымъ поэтическимъ дарованіемъ?

Желать этого было бы варварствомъ, но выводъ напрашивается самъ собой.

На пути къ дѣятельному преображенію міра искусство воздвигаетъ преграду, и міръ, благодаря поэзіи, становится не только болѣе плѣнительнымъ, но и болѣе лѣнивымъ, безвольнымъ, бездѣйственнымъ.